

цель всего, ибо и наука, и вера, и общественная жизнь – все это для царства и жизни духа» (с. 33).

Примечания

- ¹ Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. Предисловие // Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. Мн.; М., 2000. С. 635–636.
- ² Там же. С. 636.
- ³ Так называется первая из двух частей означенного обширного труда.
- ⁴ С.Л. Франк. Дневник. Публикация Е.П. Никитиной. Подготовка текста: Ю.Н. Борисов, А.А. Гапоненков. Комментарии А.А. Гапоненкова (при участии Е.В. Кузьменковой и Н.В. Новиковой). Перевод с немецкого Е.В. Власовой // С.Л. Франк. Саратовский текст / Сост.: А.А. Гапоненков, Е.П. Никитина. Саратов, 2006. С. 31–111. Цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.
- ⁵ Никитина Е.П. История одной «Тетради» (о судьбе рукописей С.Л. Франка) // С.Л. Франк. Саратовский текст... С. 16–30.
- ⁶ Франк С.Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли // С.Л. Франк. Русское мировоззрение / Сост. и отв. ред. А.А. Ермичев. СПб., 1998. С. 47. Ниже он скажет о той зиме с еще большим значением – как о времени, когда «фундамент» его «духовного бытия был заложен или открылся <...> сознательно».
- ⁷ Там же. С. 54. С.Л. Франк неоднократно возвращался к мысли о том, что этот «духовный переворот» открыл ему «реальность духовной жизни» и «в душе <...> начало складываться некое “героическое” мирозерцание, определенное верой в абсолютные ценности духа и в необходимость борьбы за них» (См.: Франк С.Л. Непрочитанное...: статьи, письма, воспоминания / Сост. и предисл. А.А. Гапоненкова, Ю.П. Сенокосова. М., 2001. С. 411–412).
- ⁸ Никитина Е.П. Указ. соч. С. 28.
- ⁹ Новикова Н.В. «Я понять тебя хочу, смысла я в тебе ишу...» // «Поэзии чудесный гений». Лирика А.С. Пушкина / Под ред. Е.П. Никитиной, Ю.Н. Борисова. Саратов, 1999. С. 86–87.
- ¹⁰ Новикова Н.В. Указ. соч. С. 84–86.

- ¹¹ Стихотворение включено в статью А. Хомякова «Картина Иванова. Письмо к редактору» (Русская беседа. 1858. № 3. С. 20), в которой полотно А.А. Иванова (1806–1858) «Явление Христа народу» трактуется как одно из высших достижений религиозной живописи. Счастлива мысль, которой не светила И ранними, и поздними дождями Людской молвы приветная весна! Вспоенная, внезапно к небесам Безвременно рядиться не спешила Она взойдет, как ночь, темна ветвями, В листы и цвет ее младая сила, Как ночь в звездах, осыпана цветами: Но корнем вглубь врывалась она. Краса земле и будущим векам (с. 48)
- ¹² Франк С.Л. Русское мировоззрение / Сост. и отв. ред. А.А. Ермичев. СПб., 1998.
- ¹³ См. его статью «О старом и новом» (1839), стихотворение «Отчизна» (1839), статью «О возможности русской художественной школы» (1847), в которой автор указал как причины «отрицательного» отношения к действительности отрыв от народной почвы, преклонение перед Западной Европой, выступал против «чистого искусства».
- ¹⁴ «О если б я был поэтом, лириком, если б были на моем языке слова, достойные моих чувств, – сколько скорби, сколько ужаса, сколько душевных содроганий, мучительных усилий, кровавых слез запечатлели бы эти страницы!..» (с. 40) – восклицает С.Л. Франк, жалея, что его слово не обладает сгущенной образностью, богатством оттенков для передачи всей гаммы переживаний.
- ¹⁵ Стихи выписаны в такой последовательности: «Пусть тот, чья честь не без укора...» (1859), «И начатую песню Гаральд не скончал» (из стих. «Гаральд Свенгольм», 1877), «Задачи той старинной разрешенье...» (из стих. «Земля цвела. В лугу, весной одетом...», 1875), «Я вас узнал, святые убежденья...» (1858), «Горними тихо летела душа небесами...» (1858), «В совести искал я долго обвиненья...» (1858), «Господь, меня готовя к бою...» (1857), «Меня, во мраке и пыли...» (1851), «Слеза дрожит в твоём ревнивном взоре...» (1858), из них семь стихотворений – полностью.

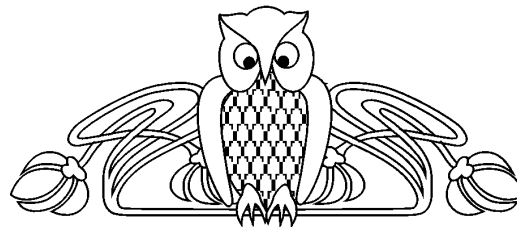
УДК 821.161.1.09-31+929 [Гоголь+Наполеон]

РОССИЯ И НАПОЛЕОН В ПОЭМЕ ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

В.В. Беляев

Бывший преподаватель филологического факультета Саратовского государственного университета, филолог, переводчик, пенсионер
E-mail: vvbelyaev@bk.ru

Принадлежность «Мертвых душ» к жанру эпической (античной и средневековой) поэмы о войнах и скитаниях (в том числе по загробному миру) есть изначальная авторская установка, и не только «Похождения Чичикова», но и военная тематика в разных

ее аспектах есть имманентная составляющая текста. Чичиков – носитель чуждого, нерусского менталитета, вторгающийся в российские реалии, и в силу этого параллель между Чичиковым и Наполеоном последовательно проводится через весь текст поэмы.

Ключевые слова: Гоголь, Наполеон, эпос, война, загробный мир, Россия, Украина.

Russia and Napoleon in Gogol's «Dead Souls»

V.V. Belyaev

The fact that «Dead Souls» belongs to an ancient and medieval epic poem genre about wars and wanderings (including in the other world) is the author's initial position. Both Chichikov's adventures and the war theme in its various aspects are immanent parts of the text. Chichikov is the bearer of the foreign, non-Russian frame of mind which interferes with Russian reality, and thus the parallels between Chichikov and Napoleon can be drawn all throughout the poem's text.

Key words: Gogol, Napoleon, epic, war, other world, Russia, Ukraine.

Исполнилось 200 лет со дня рождения Николая Васильевича Гоголя (1809–1852). Не за горами и двухсотлетний юбилей нашествия Наполеона и «двунадесяти языков» на Россию. Связь между этими юбилеями отнюдь не только хронологическая – внимательное прочтение «Мертвых душ» с точки зрения того, каким образом отразилась в поэме Отечественная война 1812 года, поможет нам объяснить в ней то, что остается не объясненным в трудах ведущих специалистов, изучающих творчество Гоголя.

Начнем *ab ovo* – с авторского жанрового определения «поэма», которое в свое время шокировало многих современников Гоголя, а сегодня стало просто привычным, но далеко не всегда понятным для читателя (рядового и не только).

Нет сомнений, что Гоголь с самого начала, с титульного листа¹ хотел подчеркнуть преемственность «Мертвых душ» по отношению к «Илиаде», «Одиссее», «Энеиде» и «Божественной комедии». Темы скитаний главного героя и войны являются центральными во всех этих поэмах.

Еще на этапе замысла «Мертвых душ» Гоголь увидел необходимость прежде всего поучиться у больших мастеров. «Я принялся за них, – писал он, начиная с нашего любезного Гомера»². По словам Г.Д. Гачева, «если бы гомеровскому греку попала в руки поэма “Мертвые души”, он бы ощутил структуру повествования родственной “Одиссее”... Ибо в основе сюжета “Одиссеи” и “Мертвых душ” лежит идея хождения в страну смерти, на тот свет (в чужие страны и т.д.) и дается панорама бытия через призму смерти (вечности)»³. В одиннадцатой главе первого тома мы читаем: «... предпринял он (Чичиков – В.Б.) заглянуть в те и другие углы нашего государства, и преимущественно в те, которые более других пострадали от несчастных случаев, неурожаев, смертностей и прочего и прочего»⁴.

Но не менее интересно сопоставить «Мертвые души» также и с «Илиадой», ибо в седьмой главе первого тома поэмы Гоголя упоминается о военных действиях, описанных в «Илиаде». Председатель гражданской палаты, знакомый Чичикова, «мог продлить и укоротить по его желанью присутствие, подобно древнему Зевесу Гомера, длившему дни и насылавшему быстрые ночи, когда нужно было прекратить брань любезных

ему героев или дать им средство додраться». Далее в той же главе упоминается некий коллежский регистратор, который «прислужился Чичикову и Манилову, как некогда Виргилий прислужился Данту». Таким образом, среди «больших мастеров», у которых учился и на преемственность по отношению к которым неявно указывает Гоголь, были, кроме Гомера, автор «Энеиды»⁵ (в которой Эней не только странствует, в том числе и по загробному царству, но и воюет на территории Апеннинского полуострова – нынешней Италии) и автор «Божественной комедии», также не только странствовавший по загробному миру, но и активно поддерживавший на этом свете войну, которую вел в Италии император Священной Римской империи германской нации Генрих VII. Данте поместил его в «Комедии» в Эмпирей – центр Рая, – а сам поэт за поддержку Генриха VII против флорентийцев был вынужден отправиться в изгнание из Флоренции и странствовал по итальянским городам. Напомним в этой связи, что автор «Войны и мира», еще одного великого эпического произведения классической русской литературы, отобразил нашествие Наполеона на Россию, а о своем романе заявил: «Без лишней скромности, это – как “Илиада”».

От жанрового определения гоголевской поэмы перейдем к ее названию. «Мертвые души» – это крепостные крестьяне, которые некогда жили, любили, трудились в поместьях своих хозяев, а ныне от них остались «кости и могилы», и «откапывать их из земли» никто не собирается. Но существует такое место, где эти души считаются как бы живыми. Оно расположено не в деревне, а в городе, в «крепостной экспедиции», и связующим звеном между теперешним «обиталищем» душ умерших людей и миром людей живых – русскими просторами, русскими деревнями – является Чичиков.

Данте в свое время, «земную жизнь пройдя до половины», очутился в сумрачном лесу, гонимый волчицей-алчностью, и его скитания привели его в Ад. Чичиков же («нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод»), влекомый алчностью, въезжает в город № №, и действие поэмы начинается. В своих скитаниях он также «утрачивает правый путь во тьме долины», после чего путь приводит его к Коробочке, но он доходит и до Ада, т.е. до крепостной экспедиции. А затем Чичиков, размышляя над списком купленных им «крестьян», «вступает в беседу с их душами», как до него Одиссей, Эней и протагонист «Комедии». Известно, что Гоголь планировал написать три тома «Мертвых душ», причем первый том уподоблялся «Аду», второй «Чистилищу», а третий «Раю».

Везде в поэме, кроме ее начала, Гоголь пишет о «городе N». Однако в первой строке «Мертвых душ» иноязычная буква повторяется («город № №»). Авторский недосмотр? У Гоголя, тщательнейше обрабатывавшего свою прозу? На первой

странице? Вряд ли. По нашему мнению, в момент начала действия, когда Чичиков въезжает в город, к обозначению города добавлена первая буква имени Наполеона, которая была общепонятным в его время геральдически-символическим обозначением этого имени.

К схожему стилистическому приему (нагромождение иноязычных слов с «примесью» слова русского) прибегают впоследствии Толстой, роман которого начинается словами: «Eh bien, mon prince. Gênes et Lucques ne sont plus que des arpanages, des поместья de la famille Bonaparte»⁶. Французская тирада г-жи Шерер противопоставлена в романе Толстого русской жизни⁷. Слово «поместья» есть единственное, напечатанное в этой фразе русскими буквами, и уже тем самым оно противопоставляется тому, что его окружает.

Вторгающемуся извне комплексу «тройка-бричка-Чичиков» противопоставлены на первой странице поэмы три персонажа – «два русских мужика» и некий «молодой человек». Без учета темы нашествия Наполеона на Россию никакого объяснения ни их кратковременному появлению в самом начале повествования (и нигде более в дальнейшем), ни слову «русские» мы не находим.

По мнению Ю. Манна, «определение “русские мужики” кажется здесь несколько неожиданным. Ведь с первых слов поэмы ясно, что ее действие происходит в России, следовательно, определение “русские” по меньшей мере тавтологично. На это первым в научной литературе обратил внимание С.А. Венгеров. «Какие же другие могли быть мужики в русском губернском городе? Французские, немецкие? ... Как могло зародиться в творческом мозгу бытописателя⁸ такое *ничего не определяющее определение*?». Позднее об этом же определении писал Андрей Белый: «... два *русские* мужика ... для чего *русские* мужика? Какие же, как не русские? Не в Австралии ж происходит действие?»

Ничто не сказано; кажется ж: *что-то* сказано»⁹.

Не только С. Венгеров и А. Белый, но и сам Ю. Манн не видит одного бросающегося в глаза обстоятельства. Именно потому, что действие происходит в России, в русском губернском городе могли бы находиться мужики не только русские, но и татарские (на что как будто указывает напоминание о Казани в их разговоре), чувашские, мордовские и т.д. «Есть много на Руси русских нерусского происхождения, в душе, однако же, русские»¹⁰. Тот факт, что они говорили между собой по-русски, еще не доказывает того, что они обязательно русские: ведь и выходец с Украины Микола Васильевич Гоголь-Яновский тоже, как известно, сумел овладеть русским языком.

Слово «русские» противопоставляет этих персонажей (вне зависимости от их этнической принадлежности) вторгающемуся извне Чичикову – русскому по происхождению, но не по духу. Разговор мужиков, что колесо доедет до Москвы,

но не до Казани, указывает на маршрут движения брички (с запада на восток), а также напоминает о судьбе Наполеона, добравшегося на восток до Москвы, но не далее.

Однако Наполеону противостоял не только народ, вооруженный в основном вилами и топорами, но и вооруженная русским оружием армия с царем во главе. Бричку встречает также одетый в «белые канифасовые панталоны и фрак с покушениями на моду» молодой человек, у которого манишка была застегнута «тульской булавкою с бронзовым пистолетом», причем «его картуз чуть не слетел с его головы» при въезде брички. Случайны ли именно эти детали в первом абзаце «Мертвых душ»? Ведь очевидно: если бы не мужики, не оружие (Тула, пистолет) и не его носители, то в 1812 г. с головы одного высокопоставленного персонажа в России могла бы слететь корона.

Эти соображения могут кому-то показаться притянутыми и спорными. Но, по нашему мнению, они имеют право на существование хотя бы в качестве рабочей гипотезы и попытки объяснить те детали гоголевской поэмы, которые ранее считались просто плеонастическими излишествами в ней.

Связь «Повести о капитане Копейкине» с темой войны очевидна. Отметим и здесь удвоение – о небольшой «Повести...» дважды говорится как о «поэме»! Дословно:

«Капитан Копейкин, – сказал почтмейстер ... – да ведь это, если рассказать, выйдет презанимательная для какого-нибудь писателя в некотором роде целая поэма.

Все присутствующие изъявили желание узнать эту историю, или, как выразился почтмейстер, презанимательную для писателя в некотором роде целую поэму...»

Несколько сомнительное с точки зрения стилистики повторение одного и того же словосочетания в разных падежных формах нужно здесь автору как косвенное указание на важность текста о Копейкине, который как бы приравнивается по значению ко всей поэме в целом. И действительно, в «Повести» с первых же слов обозначаются и тема скитаний, и тема войны. «После кампании двенадцатого года ... вместе с ранеными прислан был и капитан Копейкин. Под Красным ли, или под Лейпцигом, только, можете вообразить, ему оторвало руку и ногу»

От определения жанровой принадлежности «Повести...» перейдем к ее названию. Слово «копейка», как и слово «поэма», очень важно в образной системе «Мертвых душ». Вспомним поучения отца малолетнему Чичикову: «... больше всего береги и копи копейку: эта вещь надежнее всего на свете ... Все сделаешь и все прошибешь на свете копейкой». Во втором же томе в беседе заключенного в острог Чичикова с Муразовым речь идет о той же «копейке» (цитата была бы слишком обширна, да она и общеизвестна). Фамилия про-

тагониста маленькой «поэмы» напоминает и об этом аспекте поэмы великой.

После тщетных попыток обеспечить «заодно с правопорядком» для себя достойное человека, а тем более героя войны положение в обществе, Копейкин встает на путь нарушения закона, но не на манер Чичикова. Не для обогащения, а для борьбы за справедливость и чтобы не умереть с голоду он переносит приобретенные на военной службе умение и навыки в мир послевоенной России и становится атаманом шайки разбойников.

Узнав о том, что «Повесть...» запрещена цензурой, Гоголь писал Плетневу 10 апреля 1842 г.: «Уничтожение Копейкина меня сильно смутило! Это одно из лучших мест в поэме, и без него – прореха, которую я ничем не в силах заплатать и зашить. Я лучше решил переделать его, чем лишиться вовсе». Сам жанр эпопеи требовал от автора освещения темы войны, и Гоголь ослабил социальное звучание «Повести...», но сохранил ее для читателей¹¹.

Для понимания и фрагмента о Копейкине, и поэмы в целом важен вопрос о том, к каким годам относит автор действие поэмы.

«Мертвые души» часто считают¹² изображением России 1840-х гг., несмотря на прямое авторское указание, что «все это происходило вскоре после достославного изгнания французов. В это время все наши помещики, чиновники, купцы, сидельцы и всякий грамотный и даже неграмотный народ сделались по крайней мере на целые восемь лет (Гоголь хронологически точен: от поражения и первого отречения Наполеона в 1813 г. до его смерти в 1821 г. прошло восемь лет) “заклятыми политиками”». Тогда-то и поверили многие предсказанию одного пророка, который возвестил, что «Наполеон есть антихрист и держится на каменной цепи за шестью стенами и семью морями, но после разорвет цепь и овладеет всем миром», и беспокоились о том, не отпустили ли его с острова. Чиновники же (задолго до Пьера Безухова) видели в каждой букве, из которых составлено слово «Наполеон», какое-то особенное значение¹³ – «многие даже открыли в нем какие-то апокалипсические цифры».

Однако утверждение почтмейстера о том, что Копейкин – это Чичиков, не нашло поддержки среди чиновников, и они решили проверить предположение, что Чичиков – это «делатель фальшивых ассигнаций». Для проверки они пригласили такого «эксперта», как Ноздрев. Он «отвечал, что делатель, и при этом случае рассказал анекдот о необыкновенной ловкости Чичикова: как, узнавши, что в его доме находилось на два миллиона фальшивых ассигнаций, опечатали дом его и приставили караул на каждую дверь по два солдата, и как Чичиков переменял их все в одну ночь, так что на другой день, когда сняли печати, увидели, что все были ассигнации настоящие».

Неправдоподобие байки очевидно: не говоря о том, что непонятно, каким образом Чичиков мог

бы подменить купюры, ясно и то, что персонаж, который может где-то получить немедленно два миллиона настоящих ассигнаций, вряд ли стал бы рисковать и «пачкаться», фабрикуя фальшивки.

Однако известно, что Наполеон привез с собой в Россию огромное количество фальшивых русских ассигнаций, которыми его интенданты расплачивались за продовольствие и фураж. После войны «русский государственный банк вскоре залихорадило от наплыва фальшивых ассигнаций. Что же сделало в этих условиях русское правительство? Страна разорена – это так. Не принять от народа фальшивые деньги – значит усугубить всеобщее разорение. Крестьянин, имея на руках фальшивую бумажку в 25 рублей, обнищает совсем, если эту бумажку не оплатить. Деньги есть деньги, и честный труженик, которому от оккупантов досталась поддельная ассигнация, не виноват. Государственный банк поступил правильно, принимая фальшивые ассигнации как подлинные. Их откладывали в сторону, а потом бросали в печку»¹⁴. Но уже в 1813 г. французские фальшивки перестали принимать, что вызвало ропот, недовольство и падение курса любых ассигнаций по отношению к металлической монете. В 1814–1815 гг. курс бумажного рубля упал до 20 копеек¹⁵.

В главе IV первого тома содержится странный на сегодняшний взгляд диалог, когда старуха запросила с Ноздрева за водку «двугривенник всего», на что он ответил:

« – Врешь, врешь. Дай ей полтину, предельно с нее.

– Маловато, барин, – сказала старуха, однако ж взяла деньги с благодарностью и еще побежала впопыхах отворять им дверь. Она была не в убытке, потому что запросила вчетверо против того, что стоила водка».

То есть водка стоила примерно пять копеек, старуха же получила не двадцать, а пятьдесят, но этого ей показалось «маловато».

Дело в том, что старуха хотела получить «серебряный двугривенник, который по курсу около 1820 г. равнялся 80 копейкам ассигнациями»¹⁶. Мижуев же дал ей полтину ассигнациями, то есть примерно 12 копеек.

Ноздрев был спрошен чиновниками и о том, не есть ли Чичиков переодетый Наполеон, ибо «лицо Чичикова, если он поворотится и станет боком, очень сдает на портрет Наполеона». (О том, что Наполеон не говорил по-русски, они не догадались подумать). «Исторический человек и тут, разумеется, лицом в грязь не ударил и «понес такую околесину, которая не только не имела никакого подобия правды, но даже просто ни на что не имела подобия». Гоголь не воспроизводит его аргументов и «фактов». Но... не кроется ли и за ними «часть правды», хотя и пышно изукрашенная ноздревским враньем? К сопоставлению Чичикова и Наполеона у нас еще будет повод вернуться.

Не лишено интереса то, что осерчавший на одного из коней Селифан бранит его: «Бонапарт ты проклятый!». Об отрицательном отношении к французам и к их кухне говорит Собакевич: «Купит вон тот каналья повар, что учился у француз, кот, обдерет его, да и подает на стол вместо зайца (...) Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму ее в рот, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа»¹⁷. На бюро у Плюшкина среди всякого хлама лежит и «зубочистка, совершенно пожелтевшая, которою хозяин, может быть, ковырял в зубах своих еще до нашествия на Москву французов». На последней же странице первого тома нас встречают те же эпические темы, что и на первой, – странствий («птица-тройка», несущаяся по российским просторам, т.е. вне города) и острого конфликта России с соседними странами («и косясь, постараниваясь, дают ей дорогу другие народы и государства»).

Второй том «Мертвых душ», полностью подготовленный для печати, был сожжен Гоголем за восемь дней до его смерти. О его содержании мы можем судить лишь по сохранившимся черновым редакциям нескольких глав, а также по воспоминаниям современников, читавших либо слышавших в авторском исполнении другие главы, от которых не осталось и черновиков.

Первая глава второго тома сразу обозначает те же мотивы, что и в первом, – скитания вдаль от города и войны. Скитается по-прежнему Чичиков, встречая в этих скитаниях «людей из глуши, из отдаленных закоулков государства. И вот опять попали вы в глушь, опять наткнулись на закоулок.

Зато какая глушь и какой закоулок?

Как бы исполинский вал какой-то бесконечной крепости, с наугольниками и бойницами ...» (курсив здесь и далее мой – В.Б.).

Место действия то же – Россия и ее просторы. После этих вводных фраз Гоголь изображает русский пейзаж, видимый сначала вблизи, а затем с высоты, с балкона дома Тентетникова. «Без конца, без пределов открывались пространства», вмещающие луга, рощи, леса, пески да деревни с золотыми куполами церквей – но ни одного города.

Мошеничества Чичикова во втором томе по-прежнему связаны с темой смерти – он поддельвает завещание богатой старухи.

Однако между завершением действия первого тома и началом действия следующего проходит время, и немалое, в течение которого «давно нами оставленный Павел Иванович Чичиков ... немножко постарел». За это время Наполеон успел, по-видимому, скончаться на острове Святой Елены, так как во втором томе о нем везде упоминается не как об изолированном на дальнем острове, но потенциально опасном субъекте, а как об опасности преодоленной и уже не актуальной.

О «генералах, участвовавших в двенадцатом году», упоминает Чичиков в разговоре с Бетрищевым, одним из них. Конец главы не сохранился, однако, судя по воспоминаниям Л.И. Арнольди,

слышавшего в 1849 г. эту главу в авторском чтении, этот разговор имел свое продолжение во время обеда Чичикова и Тентетникова в имении Бетрищева: «После второго блюда генерал заговорил с Тентетниковым о его сочинении и коснулся 12-го года. Тентетников ... отвечал, что весь народ встал как один человек на защиту отечества»¹⁸ и т.д. Чичиков, желая поместить и свое слово (после длинной тирады Тентетникова) сказал: «Да, страшные холода были в 1812 году!» – «Не о холодах тут речь», – заметил генерал, взглянув на него строго. Чичиков сконфузился».

Дело в том, что Чичиков здесь повторяет версию Наполеона, который всегда утверждал, что в России он одерживал победу за победой и что только необычно ранние морозы погубили его армию. Это принижает заслуги русской армии, и недовольство Бетрищева понятно. Заметим, что Л.И. Арнольди в своем пересказе закавычивает эти две реплики, тем самым подчеркивая, что они дословно запомнились ему.

Наполеона поминает и полковник Кошкарёв, причем в качестве положительного примера. Но этот персонаж резко окарикатурен Гоголем и никакого доверия его слова у читателя не вызывают, тем более что Кошкарёв хочет брать пример не только с Наполеона, но и с его злейшего врага Англии: «Пример – Англия и сам даже Наполеон»¹⁹. Неудивительно, что в его хозяйстве царят разлад и неустройство.

Напротив, Костанжогло, в чьем хозяйстве царит полное благополучие, так отзывается и о Кошкарёве, и о подобных ему «умниках»: «Было поправились после француз двенадцатого года, так вот теперь давай все расстраивать сызнова. Ведь хуже француз расстроили ...»²⁰

И, наконец, на последней из дошедших до нас страниц второго тома приехавший из Петербурга князь упоминает о войне с Наполеоном. Роль его в сюжете явно та же, что и приехавшего из Петербурга чиновника в «Ревизоре». Перечитаем еще раз обращение князя к чиновникам города Тьфуслева:

«Дело в том, что пришло нам спастись нашу землю, что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплемennых языков, а от нас самих; что уже мимо законного управленья образовалось другое правленье, гораздо сильнее всякого законного. Установились свои условия, все оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность. ... Я приглашаю рассмотреть ближе свой долг и обязанность земной своей должности, потому что это уже нам всем темно представляется, и мы едва ...»

(На этом рукопись обрывается)

Более символичного и, увы, актуального не только для XIX в., но и для XXI в. финала для гоголевского эпоса и не придумаешь. Н.Г. Чернышевский писал: «...дивное окончание отрывка – речь генерал-губернатора, ничего подобного которой мы не читали еще на русском языке, даже у Гоголя»²¹.

Очевидно, что, согласно Гоголю, после победы России над Наполеоном главная опасность для страны, грозящая ей гибелью, – это чичиковщина, т.е. погоня за личным благополучием и обеспеченностью, а попрание и забвение норм христианской морали есть ее имманентная характеристика. Надо лишь жить по совести, и тогда все в России устроится безо всяких переворотов и потрясений. Поэтому сопоставление Чичикова и Наполеона вполне обоснованно, что бы ни «плел» по этому поводу Ноздрев.

Давно нет гомеровской Греции, побежденной Римской империей. Воспевший эту победу творец «Энеиды» не закончил своей поэмы, хотел уничтожить все ее копии и перед смертью умолял об этом Октавиана Августа, на что принцепс не согласился. Нет и Священной Римской Империи германской нации, чьим паладином был Данте и которую de jure окончательно ликвидировал Наполеон в 1806 г. Но и его империя оказалась недолговечной и хрупкой. Нет уже и Российской империи, сокрушившей воинство Наполеона, и оборваны на полужизне «Мертвые души». Но жива Россия, живы великие эпические произведения мировой литературы, и вечно будет жить – и прежде всего в России и для России – имя и творческое наследие великого сына Украины и России Николая Васильевича Гоголя.

Примечания

- 1 Известно, что на подготовленном автором рисунке титульного листа слово «ПОЭМА» пропечатано самими большими буквами – белыми на черном фоне. Скрытый смысл этой графической символики станет ясен в дальнейшем изложении.
- 2 См.: *Радциг С.И.* Гоголь и Гомер // Вестник МГУ. Сер. историко-филологическая. 1959. № 4. С. 122–123. О многочисленных указаниях самого Гоголя на его предметность по отношению к гомеровскому эпосу см. также мою работу «Античность и русская культура», опубликованную в учебнике: *Борухович В.Г.* История древнегреческой литературы. Саратов, 1982. Гл. XXIV. С. 435–437.

- 3 *Гачев Г.Д.* Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. М., 1968. С. 108.
- 4 Все цитаты из «Мертвых душ» приводятся по изданию: *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 6 т. Под ред. С.И. Машинского, А.Л. Слонимского, Н.Л. Степанова. Т. 5. Мертвые души. Поэма. М., ГИХЛ, 1959.
- 5 Ныне общепринято написание: Вергилий (не Виргилий) и Данте (не Дант).
- 6 «Ну, князь, Генуя и Лукка – поместья фамилии Бонапарте».
- 7 «С первой же страницы русский писатель Толстой включает этот маскарад языков». *Гачев Г.Д.* Указ. соч. С. 75.
- 8 Сейчас вряд ли кто согласится с определением Гоголя как «бытописателя».
- 9 *Манн Ю.* Поэтика Гоголя. М., 1988. С. 267–277; *Венгеров С.А.* Собр. соч. СПб, 1913. Т. 2. С. 139; *Белый А.* Мастерство Гоголя. М., 1934. С. 82.
- 10 *Гоголь Н.В.* Указ. соч. С. 326 (Т. 2, гл. 3, ранняя ред.).
- 11 Сейчас «Повесть...» печатается в первоначальной, доцензурной редакции, а смягченный автором для цензуры и увидевший свет при первой публикации вариант печатается в приложениях.
- 12 Вслед за Герценом: «Горький упрек современной России etc.».
- 13 Как видим, наши соображения об особенном значении буквы «N» подтверждаются.
- 14 *Пикуль В.С.* Деньги тоже стреляют / www.litportal.ru/genre23/author4/read
- 15 *Алехов А.В.* Фальшивые ассигнации Наполеона. Бонистика. Нумизматический альманах. 1998. № 3 / www.bonistica.web
- 16 *Гоголь Н.В.* Указ. соч. С. 567. Комментарии А.Л. Слонимского.
- 17 У Сельвинского в поэме «Пао Пао» есть строка: «...плотать собственный всхарк и вообразать, что это устрица».
- 18 Цитата была бы слишком пространна. См.: *Гоголь Н.В.* Указ. соч. С. 554–555.
- 19 *Гоголь Н.В.* Указ. соч. С. 462.
- 20 Там же. С. 465.
- 21 *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 3 т. М., 1947. Т. 3. С. 13.

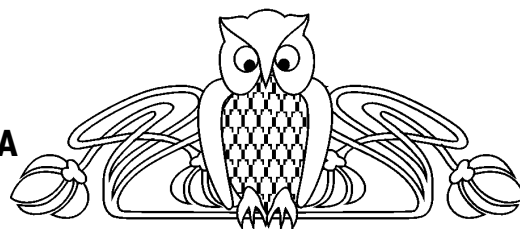
УДК 821.133.1.09-2+929 Роллан

АНТИЧНЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В «ТЕАТРЕ РЕВОЛЮЦИИ» РОМЕНА РОЛЛАНА

Е.А. Петрова

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: philol@info.sgu.ru

В статье впервые собраны и систематизированы органически включенные в художественную ткань роллановской драматур-

гической эпопеи античные образы и сравнения, способствовавшие воссозданию особенностей исторического колорита образа Французской революции 1789 г.

Ключевые слова: исторический, драма, герой, античные образы, революция, республика, диктатура.